

## Критика нравственного учения Шопенгауэра.

Въ одномъ мѣстѣ своего во многихъ отношеніяхъ замѣчательнаго труда („Міръ какъ воля и представленіе“), Шопенгауэръ прямо и категорически заявляетъ, что въ его этической книгѣ читатель не найдетъ, „ни предписаній, ни ученій о долгѣ“, ни тѣмъ болѣе указанія на общій моральный принципъ, который бы служилъ, по его выраженію, „универсальнымъ рецептомъ“ къ произведенію всѣхъ добродѣтелей. Странно, поэтому, видѣть, какъ этотъ писатель-философъ, осудившій христіанство въ его существенныхъ основахъ и моментахъ, трактуетъ въ заключеніи упомянутаго труда объ искупленіи, вѣрѣ и благодати: всѣ мы, пишетъ онъ, „подвластны злу и такъ съ нимъ связаны, что наши дѣла по закону и предписаніямъ, т. е. по мотивамъ, никогда не въ силахъ удовлетворить правосудія, или спасти насъ; но спасеніе *приобрѣтается только вѣрою*, т. е. *измѣненнымъ родомъ познанія*, и эта вѣра можетъ *исходить только отъ благодати*“ и т. д. Но чувство страннаго и неожиданнаго будетъ несомнѣнно ослабѣвать по мѣрѣ лучшаго и болѣе глубокаго ознакомленія со всею метафизическою системою автора указанныхъ словъ, такъ что послѣ этого легко придти къ такому заключенію: „да, это такъ; эти слова суть прямой и логическій выводъ изъ всего, что было сказано раньше мыслителемъ“.

Особенную, впрочемъ, близость къ вопросу о спасеніи въ Шопенгауэровскомъ смыслѣ имѣетъ ученіе его о злѣ и добрѣ: первое разсматриваетъ онъ, какъ такое начало, которое нужно пресѣчь;—второе, какъ посредствующую ступень, необходимую для достиженія спасенія; — наконецъ, спасеніе, какъ ту высочайшую цѣль, которая можетъ составлять предметъ желанія человѣческихъ существъ.

Вотъ почему мы и намѣтили уясненіе вопроса о спасеніи личности (какъ это представлено въ ученіи Шопенгауэра) не иначе, какъ въ связи съ теоріею его о добрѣ и злѣ: въ ней, какъ въ фокусѣ, собраны все лучи знаменитой философіи мыслителя-пессимиста и, потому-то, эта теорія имѣетъ въ нашихъ глазахъ особенный интересъ, по скольку она, именно, знакомитъ насъ съ глубочайшими основаніями пессимистической философіи германскаго мыслителя и даетъ ключъ къ пониманію всей его этической системы, заслуживающей изученія и не въ одномъ только *историко-философскомъ* и *психологическомъ*, но, вдобавокъ еще, и *богословскомъ* отношеніяхъ, какъ живой образчикъ исторіи души человѣческой, искавшей иныхъ законовъ, кромѣ законовъ моральныхъ, и иныхъ путей, кромѣ путей нравственнаго совершенствованія, съ страшною и поучительною тоскою по высшемъ, абсолютномъ идеалѣ, съ бессознательными порывами къ свѣту, источникъ котораго — выше предѣловъ конечныхъ вещей. Если присоединить сюда художественныя достоинства произведенія, мастерское изложеніе предмета, умѣнье автора — проникать въ глубь человѣческой души и въ общемъ вѣрное пониманіе нѣкоторыхъ отдѣльныхъ сторонъ нравственнаго бытія, то этимъ вполне исчерпывается значеніе этико-философскихъ трудовъ Шопенгауэра въ сферѣ богословской мысли.

Но прежде всего мы постараемся изложить, какъ учить этотъ философъ А) о злѣ, его источникахъ и формахъ обнаруженія; — затѣмъ В) о добрѣ, его основаніяхъ и проявленіяхъ, и, наконецъ С) о спасеніи личности, какъ особой формѣ нравственно-человѣческаго бытія, при особыхъ моральныхъ настроеніяхъ и состояніяхъ, — на основаніи, главнымъ образомъ, его важнѣйшихъ трудовъ, къ какимъ безспорно принадлежатъ: 1) *Миръ какъ воля и представленіе* (перев. Фета, изд. 2-е, 1888 г.) и 2) *Die beiden Grundprobleme der Ethik* (4-е изд., Лейпцигъ, 1891 г.). И такъ —

## I.

### А) Какъ учить Шопенгауэръ о природѣ зла?

Зло, разсматриваемое съ конкретной точки зрѣнія, есть одно изъ проявленій жизни. Что же такое жизнь? Безспорно въ основѣ ея должно лежать какое-то существенное начало,

какъ общая основа, какъ носитель всего сложнаго многообразія жизненныхъ явленій. По ученію Шопенгауэра, такимъ началомъ, объединяющимъ всю многообразную сѣть міровыхъ явленій, можетъ служить только „воля“, какъ вещь сама въ себѣ, внутреннее содержаніе, „существенное міра“, а жизнь, весь видимый міръ, всякое явленіе — „только зеркало воли“, отражающее ея существо. Между ними, т. е. волею и міромъ (жизнью) существуетъ такая тѣсная связь, что если есть воля, то будетъ и жизнь-міръ и послѣдній „настолько же неразлучно будетъ сопровождать волю, какъ тѣнь—тѣло“. Истинная форма, въ которой проявляется воля, слѣд. форма жизни или реальности, собственно только *настоящее*, а не будущее, и не прошедшее: „послѣднія существуютъ лишь въ понятіи“, а не въ настоящей объективной дѣйствительности. Въ прошедшемъ не жилъ ни единый человѣкъ, и въ будущемъ никогда жить не будетъ, напротивъ, одно *настоящее* есть форма жизни и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ея прочная, никогда не расторгимая собственность: какъ для воли жизнь, такъ для жизни настоящее—„несомнѣнны и обезпечены“. Если мы оглянемся на истекшія тысячелѣтія, на милліоны людей, въ нихъ жившихъ, мы спрашиваемъ себя: что они были? что съ ними стало? — Но намъ стоитъ только воззвать къ прошлому собственной жизни и живо возобновить въ воображеніи его сцены, и затѣмъ снова спросить: что все это было? что изъ него стало? — Что стало съ нимъ, пишетъ Шопенгауэръ, то же стало съ жизнью тѣхъ милліоновъ: наше собственное прошлое, даже вчерашній день, есть только „ничтожный сонъ фантазіи“, — то же самое и прошедшее всѣхъ тѣхъ милліоновъ. „Что было? что есть?“ спрашиваетъ онъ и отвѣчаетъ: „Воля, коей зеркало жизнь, и безвольное познаніе, которое въ этомъ зеркалѣ ясно ее видитъ“ <sup>1)</sup>. Источникъ и носитель жизни есть, такимъ образомъ, воля, или „вещь сама по себѣ, которая—мы сами“. Она въ своихъ явленіяхъ ни мало не затрогивается ни рожденіемъ, ни смертью, которыя принадлежатъ къ явленію, какъ таковому и суть мимолетныя, въ формѣ времени выступающія, проявленія того, что само въ себѣ не знаетъ

<sup>1)</sup> Міръ к. в. и пр. с. 338.

времени, но именно должно проявиться сказаннымъ образомъ, чтобы объективировать свое собственное существо <sup>1)</sup>).

Посредствомъ „привходящаго, къ ея услугамъ развитаго, міра представленія“ воля получаетъ „познаніе собственнаго хотѣнія и того, что это такое, чего она хочетъ“, и такъ какъ то, чего она хочетъ“, есть жизнь (міръ), то потому она и можетъ быть названа „волею (желаніемъ) жизни“. Смѣло можно сказать, говоритъ Шопенгауэръ, что желаніемъ жизни жизнь обезпечена, и пока мы исполнены желанія жизни, нечего намъ бояться за наше существованіе, даже и въ виду смерти, потому что, какъ сказано было раньше, воля, какъ вещь сама по себѣ, нисколько не затрогивается смертью, и человѣкъ, который, напротивъ, находилъ бы удовлетвореніе въ жизни, которому въ ней было бы вполне хорошо и „коего жизненное мужество было бы столь велико, что онъ за наслажденія жизни охотно и радостно принялъ бы все трудности ея и муки, — такой человѣкъ стоялъ бы „*костью дебелий на крѣпкозданной, прочной земль*“, и ему нечего было бы бояться: онъ равнодушно взиравъ бы на приближающуюся смерть, смотря на нее, какъ на призракъ, „безсильное привидѣніе, пугающее слабыхъ“, но не имѣющее власти надъ тѣмъ, кто знаетъ, что вѣдь онъ „самъ та воля, коей объективация или отраженіе весь міръ, кому поэтому всегда обезпечена жизнь, равно какъ и настоящее, истинная, единственная форма проявленія воли.“ <sup>2)</sup>).

Это и есть то, что Шопенгауэръ называетъ точкою зрѣнія полнаго *подтвержденія воли къ жизни* (Bejahung des Willens zum Leben), т. е. когда познаніе идетъ объ руку съ обыденнымъ людскимъ хотѣніемъ, съ полною ясностью для самихъ себя.

Воля безспорно подтверждаетъ саму себя, когда ея собственное существо дается ей въ мірѣ и жизни вполне и ясно, какъ познаніе или представленіе, всегда готовое къ ея услугамъ и никогда не задерживающее ея хотѣнія: „эта, такимъ образомъ познанная, жизнь продолжаетъ и какъ такая быть ей (волѣ) желанною“ вполне сознательно и обдуманно, какъ дотолѣ въ неорганической и растительной природѣ эта же самая воля проявляется слѣдно и безъ сознанія.

1) Міръ к. в. и пр. с. 334.

2) *ibid.* 345.

Подтвержденіе воли къ жизни обнаруживается въ много-различныхъ образахъ и дѣйствіяхъ, но основною темою всѣхъ разнообразныхъ актовъ воли служитъ удовлетвореніе потребностей, нераздѣльныхъ съ бытіемъ тѣла въ здоровомъ его состояніи, — кои могутъ быть сведены на двоякую цѣль: сохраненія индивидуума и продолженія породы. Человѣкъ, съ наступленія своего сознанія, находитъ себя желающимъ, и въ этомъ случаѣ вся жизненная задача его сводится къ тому, чтобы вполне познать сначала объекты своего хотѣнія, затѣмъ средства къ нимъ. Тогда онъ знаетъ, что ему дѣлать, и сознаніе, что онъ работаетъ для цѣлей своего хотѣнія, поддерживаетъ въ немъ бодрость духа и возбуждаетъ энергію силъ. Изъ этого происходитъ извѣстная веселость, по крайней мѣрѣ спокойствіе, съ которымъ люди совершаютъ свою жизненную работу.

Самосохраненіе составляетъ первое стремленіе человѣка, и какъ скоро онъ о немъ позаботился, онъ, по словамъ Шопенгауэра, стремится только къ продленію породы: „къ большому онъ, какъ чисто природное существо, стремиться не можетъ“ и не даромъ природа, внутреннее существо которой есть сама воля къ жизни, направляетъ со всею своею силою человѣка и животное къ размноженію. А такъ какъ въ половомъ стремленіи внутреннее существо природы (воля къ жизни) высказывается всего сильнѣе, то древніе поэты и философы, Гезіодъ и Парменидъ, говорили весьма многозначительно, что *Эротъ* — первое, творящее, принципъ, изъ котораго происходятъ всѣ вещи и индійскую Майю, коей произведеніе и ткань есть видимый міръ, парафразируетъ алог.

Въ своемъ стремленіи къ самосохраненію и продолженію рода человѣкъ заходитъ слишкомъ далеко: уже въ удовлетвореніи полового влеченія замѣчается это захожденіе „за границу подтвержденія собственнаго существованія“, вперёдъ на неопредѣленное время. Тоже и во всѣхъ другихъ цѣляхъ и стремленіяхъ: вездѣ, говоритъ Шопенгауэръ, во всей природѣ, на всѣхъ ступеняхъ объективации воли, необходимо существуетъ постоянная борьба между индивидуумами всѣхъ породъ, такъ какъ для воли, какъ вещи самой въ себѣ, единственно реальное существуетъ только то, что она находитъ непосредственно внутри себя. Поэтому

„каждый желаетъ всего для себя, желаетъ всѣмъ владѣть, по крайней мѣрѣ надъ всѣмъ властвовать, и все, что ему противится, желаетъ уничтожить“.

Но—вѣдь—это есть *эгоизмъ*? Шопенгауэръ и не отрицаетъ его; напротивъ, онъ утверждаетъ положительно, что въ эгоизмѣ-то и заключается источникъ всей міровой борьбы. Самое зло есть не что иное, какъ высокая ступень эгоизма, а именно,—если человѣкъ не только подтверждаетъ волю къ жизни, какъ она проявляется въ его тѣлѣ, но въ такомъ подтвержденіи заходитъ такъ далеко, что отвергаетъ волю, проявляющуюся въ другихъ индивидуумахъ и даже старается уничтожить ихъ бытіе, будучи склоннымъ совершать при всякомъ удобномъ случаѣ несправедливость, то такого человѣка мы называемъ, говоритъ онъ, *злымъ*. Здѣсь тотчасъ же, продолжаетъ онъ, очевидны двѣ вещи: „*во-первыхъ*, что въ такомъ человѣкѣ высказывается черезъ мѣру сильная, далеко за подтвержденіе собственнаго своего тѣла переходящая, воля; и *во-вторыхъ*, что познаніе его, вполне преданное закону основанія и объятое *principio individuationis* остановилось упорно на полагаемомъ послѣднимъ полнѣйшемъ различіи между его собственнымъ лицомъ и всѣми другими“ <sup>1)</sup>. Эти два качества составляютъ, по замѣчанію Шопенгауэра, основныя стихіи злаго характера, способнаго дойти до высшей степени *злости* и до *жестокости*,—до того душевнаго состоянія, при которомъ чужое страданіе „не есть уже средство къ достиженію цѣлей собственной воли, а само въ себѣ цѣль“. Спрашивается,—о какомъ познаніи здѣсь идетъ рѣчь, преданномъ закону основанія и объятномъ *principio individuationis*? Здѣсь необходимо хоть вкратцѣ коснуться Шопенгауэровской теоріи познанія.

По опредѣленію Шопенгауэра, то, что все познаетъ и никѣмъ не познаваемо, есть субъектъ. Онъ есть сплошное, постоянно предполагаемое, условіе всякаго явленія, всякаго объекта, ибо только для него существуетъ все, что существуетъ. Такимъ субъектомъ находитъ всякъ самого себя, притомъ „настолько, насколько онъ познаетъ, а не на-

<sup>1)</sup> Міръ к. в. и пр. 444 с.

сколько онъ составляетъ объектъ познанія“, потому что объектомъ является даже его тѣло и, подобно всѣмъ объектамъ, оно лежитъ въ формахъ всякаго познанія—во времени и пространствѣ, посредствомъ коихъ существуетъ множественность. Напротивъ того, субъектъ (познающее, никогда не познаваемое) не лежитъ въ этихъ формахъ, такъ какъ онъ ими самими уже предполагается; поэтому къ нему не приложимо „ни множество, ни его противоположность—единство“. Обѣ эти половины (субъектъ и объектъ) нераздѣльны для мысли, ибо каждая изъ нихъ имѣетъ значеніе и существуетъ „посредствомъ и для другой, непосредственно ограничивая другъ друга такъ, что „гдѣ начинается объектъ, кончается субъектъ“.

Общія формы всякаго объекта суть время, пространство и причинность, но замѣчательно, что эти же формы могутъ быть открыты и вполне познаны и „безъ познанія самого объекта, а только исходя изъ субъекта“, т. е. лежатъ а priori въ нашемъ сознаніи. Но я утверждаю сверхъ того, пишетъ Шопенгауэръ, что *законъ основанія* есть общес выраженіе для всѣхъ этихъ а priori извѣстныхъ формъ объекта, и потому все, что мы знаемъ чисто а priori, не что иное, „какъ содержаніе этого закона и его послѣдствій“, — будетъ ли это знаніе касаться чистаго времени (форма познанія, на которой зиждется счетъ и вычисленіе), или чистаго пространства (геометрія), или, наконецъ, того и другаго вмѣстѣ, въ ихъ взаимномъ соединеніи и ограниченіи по закону причинности (матерія). Вездѣ и надъ всѣмъ владычествуетъ законъ основанія. Требуется, напр., понять, какимъ образомъ законъ причинности, составляющій, по Шопенгауэру, все существо матеріи, долженъ быть мыслимъ, какъ видъ закона основанія? Объясняется это тѣмъ, что разъ дано извѣстное основаніе, то должно вытекать изъ него и извѣстное слѣдствіе, или—если дана опредѣленная причина, проявляющаяся въ извѣстномъ мѣстѣ и въ извѣстное время, то должно быть и опредѣленное дѣйствіе, — именно тамъ, а не здѣсь, — тогда, а не въ какое-либо другое время: все это по-необходимости такъ, а необходимость и есть, какъ говоритъ Шопенгауэръ, основное требованіе закона основанія; вотъ почему, говоритъ онъ, *быть необходимымъ* и *быть слѣдствіемъ даннаго основанія* суть взаимно-

замѣнимыя понятія <sup>1)</sup>). Поэтому сказать, что такое-то познание предано закону основанія, значитъ — выразить ту мысль, что оно обусловлено формами времени и пространства и содержитъ въ себѣ ряды знаній на основаніи причинности, если рѣчь идетъ о реальномъ мірѣ вещей, или въ силу закона достаточнаго основанія, если дѣло касается логическаго міра идей.

Но если, съ одной стороны, формы времени, пространства и причинности составляютъ содержаніе вышеуказаннаго закона и его послѣдствій, то, съ другой, — онѣ суть начало, чрезъ которое происходитъ множественность. *Воля*, какъ вещь сама въ себѣ, по замѣчанію Шопенгауэра, вполне отлична отъ своего явленія и вполне свободна отъ всѣхъ его формъ, въ которыя она входитъ только при явленіи, и „которыя, слѣд., касаются только ея объективации, а ей самой чужды“. Время и пространство — вотъ тѣ формы, чрезъ которыя существуетъ и стало возможнымъ *множество*. Въ этомъ отношеніи я назову, говоритъ онъ, время и пространство *principium individuationis*, ибо только время и пространство суть то, посредствомъ чего „равное и единое“ по существу и понятію является, тѣмъ не менѣе, множествомъ — „рядомъ и одно за другимъ“. Поэтому-то они и суть *principium individuationis*. Какъ вещь сама въ себѣ, воля находится внѣ области закона основанія во всѣхъ его видахъ и слѣдовательно, „вполне безосновна“, хотя каждое *ея проявленіе непременно подчинено* закону основанія. Несмотря на безчисленность ея проявленій во времени и пространствѣ, она свободна отъ всякаго множества: она *едина*, какъ то, что находится внѣ времени и пространства, внѣ *principii individuationis*, т. е. возможности множества. Признано, что законъ основанія есть общее выраженіе всѣхъ а priori извѣстныхъ формъ познанія, общая форма всякаго явленія, и человекъ въ своей дѣятельности, подобно всякому другому явленію, *долженъ быть ему подчиненъ*, потому что всякій индивидуумъ, лицо — во все *не воля* сама въ себѣ, а только *проявленіе* воли и, какъ такое, уже опредѣлено и вошло въ форму явленія по закону основанія, отчего и происходитъ, что всякое отдѣль-

1) Die beid. Grundprobl. s. 28.



ное дѣйствіе вытекаетъ „со строжайшею необходимостію изъ вліянія мотива на характеръ“. Однако какъ же получилось то, что мы сознаемъ себя свободными? Это объясняется тѣмъ, говоритъ Шопенгауэръ, что мы слишкомъ увлекаемся апріорнымъ познаніемъ и мало придаемъ значенія опытному, апостериорному. Дѣло въ томъ, что „въ самосознаніи воля познается непосредственно и сама въ себѣ“: изъ этого проистекаетъ та изумительная вещь, что всякій а priori считаетъ себя вполне свободнымъ „даже въ своихъ отдѣльныхъ дѣйствіяхъ“ и думаетъ, что можетъ каждую минуту начать новый образъ жизни, — между тѣмъ а posteriori (по опыту) онъ къ своему удивленію находитъ, что онъ не свободенъ, а подчиненъ необходимости, т. е. вынужденъ дѣйствовать по закону основанія, а если онъ, при этомъ, бываетъ объятъ principio individuationis, — началомъ, обуславливающимъ различіе людей между собою, то въ этомъ-то и заключается корень всякаго зла.

И дѣйствительно — исходная точка всей міровой борьбы есть, по возрѣнію Шопенгауэра, *эгоизмъ*; но подлиннымъ и несомнѣннымъ источникомъ его служитъ principium individuationis, — время и пространство, такъ какъ только посредствомъ ихъ и въ нихъ возможно множество однороднаго, — чрезъ которыя самая воля всюду является передъ собою во множествѣ индивидуумовъ. Къ этому нужно присоединить еще два обстоятельства: во 1-хъ, для cadaго индивидуума въ отдѣльности вся природа внѣ его, слѣд. и всѣ остальные индивидуумы существуютъ только въ его представленіи, только посредственно и какъ нѣчто отъ его собственнаго существа и бытія зависящее, ибо „вмѣстѣ съ его сознаніемъ для него необходимо исчезаетъ и міръ“, т. е. бытіе и небытіе его тогда становится совершенно безразличнымъ, во 2-хъ, каждый познающій индивидуумъ въ дѣйствительности есть и чувствуетъ себя какъ цѣлую волю къ жизни, или „само въ себѣ міра“, слѣд. какъ микрокосмъ, равный макрокосму. Оттого-то, по замѣчанію Шопенгауэра, и происходитъ, что каждый въ безграничномъ мірѣ совершенно и до ничтожества умаленный индивидуумъ, тѣмъ не менѣе, содѣлываетъ себя средоточіемъ міра, свое собственное благополучіе предпочитаетъ всему другому, даже готовъ уничтожить міръ, чтобы только соб-

ственное „я“ поддержать нѣсколько долѣе. Этотъ образъ мыслей есть *эгоизмъ*, всякой вещи въ природѣ существенный, но онъ-то именно и есть, по словамъ Шопенгауэра, то, посредствомъ чего внутреннее противорѣчіе воли самой въ себѣ достигаетъ страшнаго откровенія въ выступающей борьбѣ индивидуумовъ, въ *bello omnium contra omnes*. А что такое эта борьба? Она есть выраженіе противорѣчія, коимъ воля къ жизни внутренне запечатлѣна, и которое достигаетъ обнаруженія посредствомъ *principii individuationis*, — именно въ томъ, что чрезъ эту форму воля является самой себѣ *одинаковымъ образомъ* въ безчисленныхъ индивидуумахъ, и, притомъ, въ каждомъ изъ нихъ (какъ воля и представленіе) *вполнѣ и всецѣло*: вотъ почему въ то время какъ всякій самому себѣ непосредственно данъ, именно какъ цѣлая воля и цѣлое представленіе, остальные индивидуумы „даны ему только какъ его представленія“. Поэтому впереди всѣхъ другихъ у него стоитъ его собственное существо и его сохраненіе съ полнѣйшимъ равнодушіемъ къ благополучію всѣхъ другихъ; — и это, говоритъ Шопенгауэръ, въ лучшемъ смыслѣ слова, но въ дѣйствительности оказывается, что не только всякій старается вырвать у другаго, чего самъ желаетъ, но даже готовъ для незначительнаго приращенія своего благосостоянія разрушить все счастье или жизнь другаго. Это и составляетъ высочайшее проявленіе эгоизма.

В) Всѣмъ этимъ уже косвенно предполагается, что зло можно пресѣчь не иначе, какъ пониманіемъ его истинной и существенной причины, однимъ словомъ, не иначе, какъ прозрѣніемъ *principii individuationis*, отъ котораго, по сказанному раньше, и происходитъ все міровое зло. Какъ же достигается это прозрѣніе? — какимъ путемъ? — чрезъ какіе факторы? Уже злой человѣкъ, по словамъ Шопенгауэра, можетъ прозрѣвать дѣйствительную причину своихъ поступковъ. Нужно только *непосредственно* познать ту силу, съ которою въ зломъ индивидуумѣ подтверждаетъ себя воля къ жизни, выходящая далеко за предѣлы индивидуальнаго явленія, до отрицанія той же самой воли, которая въ чужомъ индивидуумѣ проявляется. Тогда злодѣй испытываетъ внутренній ужасъ передъ собственнымъ поступкомъ, который онъ старается скрыть отъ самого себя, а вмѣстѣ съ

тѣмъ уже начинаетъ проступать въ сознаниі его догадка о ничтожности и призрачности *principii individuationis* и „поставляемаго онымъ различія между имъ и другими“; въ то же время злодѣй познаетъ собственную силу воли, съ которою онъ ухватился за жизнь, такъ сказать, впился въ нее, въ ту именно жизнь, коей страшную сторону онъ видитъ передъ собою въ мукахъ и страданіяхъ, имъ переживаемыхъ. Тогда онъ познаетъ себя, какъ концентрированное проявленіе воли къ жизни, чувствуетъ, до какой степени онъ подпалъ жизни, а съ тѣмъ и безчисленнымъ мученіямъ, свойственнымъ ей.

Объ этомъ же довольно внушительно говоритъ намъ и внутреннее чувство совѣсти. Какъ бы плотно покрывало Майи ни окутывало смысла злаго человѣка, т. е. какъ бы крѣпко ни былъ онъ объятъ *principio individuationis*, въ силу котораго онъ свое лицо считаетъ абсолютно отличнымъ отъ всякаго другаго и отдѣленнымъ отъ него глубокою пропастью (ибо вѣдь такое познаніе всегда почти подкуплено волею), тѣмъ не менѣе, замѣчаетъ Шопенгауэръ, въ глубинѣ его сознанія таится чувство, что „такой порядокъ вещей все-таки лишь явленіе, само же въ себѣ дѣло обстоитъ иначе“, что какъ бы время и пространство ни отдѣляли его отъ другихъ индивидуумовъ, тѣмъ не менѣе, „само въ себѣ и независимо отъ представленія и его формъ“, во всѣхъ нихъ проявляется единая воля къ жизни, — та самая воля, которая, ища въ одномъ изъ своихъ проявленій увеличеннаго благополучія именно тѣмъ самымъ возлагаетъ на другое изъ проявленій величайшее страданіе, притомъ—кто бы ни былъ злой индивидуумъ, онъ долженъ помнить, что онъ не только мучитель другихъ, но и мучимый, такъ какъ онъ непременно долженъ заплатить мученіемъ за наслажденіе, долженъ пережить все страданіе, „познаваемое имъ лишь какъ возможное“, ибо только съ помощью *principii individuationis* различны между собою возможность и дѣйствительность, близость и отдаленность времени и пространства, но „не такъ это само въ себѣ“. Въ этомъ заключается суть тѣхъ невыразимыхъ мукъ, которыя называются терзаніями совѣсти, приготавливающими раскаяніе.

Что же такое совѣсть?—какія дѣйствія она контролируетъ и гдѣ то мѣсто, на которое направлено ея жало?

При опредѣленіи совѣсти нужно имѣть въ виду, что, по Шопенгауэру, всѣ отдѣльныя дѣйствія человѣческія подчинены закону причинности, слѣд. суть дѣйствія необходимыя. Какъ всякое дѣйствіе въ неодушевленной природѣ, говоритъ онъ, есть необходимый продуктъ двухъ факторовъ, именно—проявляющейся здѣсь общей *силы природы* и вызывающей это проявленіе отдѣльной *причины*, точно также и каждое дѣйствіе человѣка есть необходимый продуктъ его *характера* и наступившаго *мотива*. Какъ скоро оба эти фактора даны, дѣйствіе слѣдуетъ неизбѣжно. Даже можно бы было, говоритъ онъ, предсказать съ достовѣрностью всякое дѣяніе, если бы частію не было весьма трудно изучить характеръ, частію если бы мотивы не были сокровенны и не подвергались постоянно противодѣйствію другихъ мотивовъ, лежащихъ единственно въ сферѣ мыслей человѣка, недоступной другимъ. Способъ, какимъ характеръ развиваетъ свои качества, вполне подобенъ тому, какимъ всякое тѣло безсознательной природы обнаруживаетъ свои. Вода остается водою, со всѣми присущими ей качествами, отражаетъ ли она какъ тихое озеро свои берега, или, пѣнясь, низвергается съ утесовъ, или, при пособіи искусства, брызжетъ вверхъ высокимъ столбомъ, — все это зависитъ отъ внѣшнихъ причинъ: одно такъ же естественно для нея, какъ и другое, и только, смотря по обстоятельствамъ, выкажетъ она то или другое, одинаково готовая на все, но въ каждомъ случаѣ вѣрная своему характеру и всегда только его и проявляя. Также точно проявляется и всякій человѣческій характеръ во всѣхъ обстоятельствахъ, причѣмъ явленія, отсюда истекающія, будутъ таковы, каковы были обстоятельства.

Характеръ человѣка *постояненъ* <sup>1)</sup>: въ теченіе всей жизни онъ остается одинаковъ. Подъ измѣнчивою оболочкой своего возраста, своихъ отношеній, даже своихъ познаній и возрѣній скрывается, какъ ракъ въ своей скорлупѣ, тождественный и истый человѣкъ, вполне неизмѣнный и всегда тотъ же. *Человѣкъ никогда не мѣняется*: какъ поступилъ онъ разъ въ одномъ случаѣ, такъ всегда будетъ поступать и впредь, при совершенно одинаковыхъ обстоя-

1) Die beid. Grundprobl. s. 50.

тельствѣхъ (къ которымъ относится также и правильное познаніе этихъ обстоятельствъ). Какъ ботаникъ, говоритъ Шопенгауэръ, по одному листу узнаетъ цѣлое растеніе, какъ *Кювье* по одной кости строитъ цѣлое животное, такъ по одному характеристическому поступку человѣка можно составить правильное понятіе о его характерѣ, слѣд. нѣкоторымъ образомъ построить его; — при этомъ у cadaго человѣка свой характеръ, изъ котораго мотивы вызываютъ тѣ или другія дѣйствія съ необходимостью.

Но если всѣ вообще дѣянія человѣка запечатлѣны характеромъ необходимости, то какой же смыслъ имѣетъ совѣсть со всѣми ея тревогами, муками и сомнѣніями? Можетъ ли человѣкъ считать себя отвѣтственнымъ за свои дѣла?

Шопенгауэръ отвѣчаетъ на это утвердительно и высказываетъ по этому поводу такое соображеніе: какъ ни строга, говоритъ онъ, необходимость, съ которою, при данномъ характерѣ, дѣянія вызываются мотивами, тѣмъ не менѣе, никому не придетъ въ голову оправдывать себя этимъ и сваливать вину на мотивы, ибо онъ ясно понимаетъ, что здѣсь, по положенію дѣла и поводовъ, слѣд. объективно, было весьма возможно совершенно иное, даже противоположное дѣяніе, *если бы только онъ былъ другимъ человекомъ*. Но что онъ, какъ это слѣдуетъ изъ дѣянія, такъовъ, а не иной, это и есть то, за что онъ чувствуетъ себя отвѣтственнымъ: здѣсь, въ этомъ *Esse* находится то мѣсто, въ которое направлено жало совѣсти. Ибо совѣсть, по Шопенгауэру, и есть только изъ собственнаго поведения возникающее и дѣлающееся все болѣе интимнымъ знакомство съ самимъ собою <sup>1)</sup>.

Укоры совѣсти, хотя и касаются прежде всего и явно того, что мы *сдѣлали*, но главнымъ образомъ того, что мы *являемъ собою*, о чемъ достовѣрное свидѣтельство даютъ намъ наши дѣянія, которыя относятся къ нашему характеру такъ, какъ симптомы къ болѣзни. Потому въ *Esse*, въ томъ, что мы *есть*, и должна заключаться вина и заслуга. То, что въ другихъ мы или высоко чтимъ и любимъ, или презираемъ и ненавидимъ, не есть то, что переменчиво и превратно, но то, что въ нихъ несомнѣнно, разъ

<sup>1)</sup> Die beid. Grundprobl. s. 177.

навсегда суще: ихъ *сущность*; и если, какъ иногда бываетъ, мы отъ нихъ отдѣляемся, то не потому, что они измѣнились, а потому, что мы сами въ нихъ ошиблись. Точно также и предметъ нашего довольства и недовольства собою есть наша *сущность*, то, что мы есть и чѣмъ мы безповоротно остаемся; это простирается, замѣчаетъ Шопенгауэръ, даже на интеллектуальныя и фізіономическія свойства. Какъ же послѣ этого вина и заслуга не заключается въ томъ, *что мы есть*, спрашиваетъ онъ? Все совершеннѣе становящееся знакомство съ самимъ собою, все болѣе и болѣе пополняющійся *протоколъ* нашихъ *дѣяній*—вотъ что такое *совѣсть* <sup>1)</sup>. *Operari sequitur esse*. *Operari*,—это наши дѣянія, подчиненныя закону необходимости, но *esse*, это наша сущность, то, что мы есть и чѣмъ безповоротно остаемся на всю жизнь: на эту сущность совѣсть и простираетъ свое жало.

Если бы, оговаривается Шопенгауэръ, воля не встрѣчала себѣ препятствія въ познаніи, а исполняла всегда только то, что съ нею согласовалось, то не существовало бы и самаго факта раскаянія; но въ томъ то и суть, что подобно тому, какъ „волѣ, когда она раскрываетъ свои идеи въ одномъ пространствѣ, т. е. посредствомъ одной формы, противодѣйствуетъ матеріи...., такъ проявляющаяся въ одномъ времени, т. е. въ дѣйствіяхъ, воля находитъ себѣ аналогическое препятствіе въ познаніи, которое рѣдко вполнѣ правильно сообщаетъ ей данныя, вслѣдствіе чего поступокъ затѣмъ выходитъ не вполнѣ соответствующимъ волѣ и тѣмъ приготавливаетъ раскаяніе“. Слѣдовательно, раскаяніе происходитъ не оттого, что воля измѣнилась, но оттого, что измѣнилось познаніе. Я никогда, говоритъ онъ, не могу раскаиваться въ томъ, чего хотѣлъ, но только могу раскаиваться въ томъ, что я сдѣлалъ, такъ-какъ „руководимый ложными понятіями, я сдѣлалъ нѣчто другое, чѣмъ то, что согласовалось съ моею волей“. Такъ, напр., я могъ, продолжаетъ онъ, поступить болѣе эгонистично, чѣмъ свойственно моему характеру, введенный въ заблужденіе преувеличеннымъ представленіемъ о нуждѣ, въ которой я находился самъ, или же хитростью, коварствомъ, злобой дру-

1) Die beicl. Fruncl. s. 256.

гихъ, или тѣмъ, что поступилъ опрометчиво, т. е. безъ обсуждения, но въ такомъ случаѣ возвратъ обдуманности есть лишь исправленное познаніе, изъ коего можетъ произойти раскаяніе, которое въ этомъ случаѣ проявляется исправленіемъ сдѣланнаго, насколько это возможно.

Но угрызеніе совѣсти по поводу содѣяннаго — ни мало не раскаяніе, а страданіе по поводу познанія себя въ самомъ себѣ, т. е. какъ воли. Злому человѣку жизненное поприще рисуешь картину его характера и онъ пугается такой картины; все равно, написана ли она большими чертами, или такими мелкими, что только онъ одинъ ее видитъ, ибо только его одного она непосредственно касается. Силою, съ которою злой подтверждаетъ жизнь, измѣряетъ онъ даль, въ которой отстоитъ отъ него отрицаніе воли къ жизни, — это единственно возможное избавленіе отъ міра и его мученій. Онъ видитъ, какъ крѣпко привязанъ онъ къ нему; страданіе другихъ не въ силахъ его тронуть: онъ жертва жизни и *ощущаемаго* страданія („еще вопросъ, сокрушить ли и побѣдить ли когда-либо послѣднее напряженность его воли“), — все это составляетъ содержаніе *терзанія совѣсти* въ качествѣ простаго чувства, коимъ постигается внутреннее существо *зла*, а не въ смыслѣ яснаго абстрактнаго познанія, которое пріобрѣтаетъ больше ясности и полноты при изложеніи *добра*, какъ качества человѣческой воли.

Подъ именемъ *добра* разумѣется такое проявленіе воли, въ которомъ обнаруживается высокая степень прозрѣнія *principii individuationis*.

Начало этого прозрѣнія замѣчается уже въ *справедливости*, какъ простомъ отрицаніи *злаго*. Справедливымъ, по опредѣленію Шопенгауэра, можно назвать того, кто въ подтвержденіи своей собственной воли никогда не доходитъ до отрицанія чужой воли, высказывающейся въ другомъ индивидуумѣ, кто добровольно признаетъ и блюдетъ моральную границу между неправотой и правомъ даже тамъ, гдѣ „ни государство, ни иная сила ея не охраняетъ“. Такой человѣкъ не станетъ для увеличенія собственнаго благополучія причинять другимъ страданій, въ чемъ бы они ни состояли: онъ не сдѣлаетъ преступленія, но будетъ уважать права другаго, слѣдовательно, для него *principium indi-*

viduationis уже не представляет „абсолютной раздѣлительной стѣны“ между нимъ и другими: онъ подтверждаетъ собственное проявленіе воли, чего не отрицаетъ и у другихъ, и этимъ онъ несомнѣнно показываетъ, что онъ *узнаетъ* волю къ жизни, какъ вещь саму въ себѣ „и въ чужомъ проявленіи, данномъ ему лишь какъ представленіе“; — въ этомъ смыслѣ существо внѣ его онъ ставитъ наравнѣ съ собственнымъ, совершенно отказываясь отъ причиненія страданій другимъ.

Болѣе высокая степень этого прозрѣнія должна, по Шопенгауэру, приводить къ положительному доброжелательству и благодѣянію, къ челоуѣколюбію и „это возможно, говоритъ онъ, какъ бы сильна и энергична ни была сама въ себѣ воля, проявляющаяся въ такомъ индивидуумѣ“. Все дѣло въ познаніи, которое можетъ научить противостоять искушенію несправедливости и „производить всякую степень добра“. Поэтому не слѣдуетъ, говоритъ онъ, считать добраго челоуѣка за *слабѣйшее проявленіе воли*, чѣмъ злаго, и всегда нужно имѣть въ виду, что только познаніе сдерживаетъ въ первомъ слѣбую стремительность воли. Правда, есть индивидуумы, которые, повидимому, добры только по слабости проявляющейся въ нихъ воли, но потомъ скоро оказывается, что они не способны ни на какое значительное самообладаніе, чтобы исполнить справедливое или доброе дѣло.

Да и какъ добро не есть сильнѣйшее проявленіе воли, когда челоуѣку, желающему достигнуть высшей степени добра и даже ресигнаціи, необходимо бываетъ проявить любовь къ ближнему съ полнымъ отрицаніемъ всякаго себялюбія, — благотворительность, доходящую до отдачи приобрѣтеннаго тяжкимъ ежедневнымъ трудомъ, — безграничное терпѣніе всякихъ оскорбленій, — воздаяніе за всякое зло, какъ бы велико оно ни было, добромъ и любовью, — добровольное и радостное претерпѣніе всякаго позора? Наконецъ, эта постоянная борьба съ волею къ жизни, — съ тѣломъ, которое есть воля „только въ формѣ объективациі“, — эта внутренняя душевная борьба съ различными соблазнами, наполняющая исторію жизни святыхъ, — все это, какъ само слѣдуетъ, должно быть плодомъ наисильнѣйшей и несокрушимѣйшей воли.



Но чему бываетъ обязанъ человѣкъ, достигающій такого высокаго нравственнаго состоянія? Помогаетъ ли въ этомъ случаѣ догматъ, вѣроученіе, или абстрактное познаніе вообще, въ качествѣ мотива для воли?

Шопенгауэръ утверждаетъ, что посредствомъ морали „и вообще абстрактнаго познанія“ никакой настоящей добродѣтели достигнуть невозможно, а послѣдняя, „хотя и происходитъ изъ познанія, но не изъ абстрактнаго“, передаваемого словами. Напротивъ, говоритъ онъ, приготовить добродѣтельнаго этическими уроками или проповѣдями столь же мало возможно, какъ „когда-либо произвести поэта всѣми эстетиками, начиная съ Аристотелевской,“ ибо для внутренняго существа добродѣтели понятіе бесплодно, какъ оно бесплодно и для искусства. *Velle non discitur*. Наряду съ привычкою и примѣромъ догмы могутъ имѣть сильное вліяніе на дѣянія, на внѣшніе поступки, но этимъ духовное настроеніе не измѣняется. Всякое абстрактное познаніе даетъ только мотивы: „мотивы же могутъ измѣнять лишь направленіе воли, а никакъ не самое ее“, слѣд. какъ бы догмы ее ни направляли, все таки то, что человѣкъ дѣйствительно и вообще хочетъ, остается тѣмъ же: разница можетъ быть только въ путяхъ, коими оно достигается, т. е. берутся ли во вниманіе *воображаемые*, или *дѣйствительные* мотивы, хотя тѣ и другіе могутъ имѣть одинаковое вліяніе на дѣянія человѣка. Поэтому, съ точки зрѣнія этического достоинства, все равно, говоритъ Шопенгауэръ, принести ли большіе дары неимущимъ въ твердой увѣренности на награду въ будущей жизни, или ту же сумму обратить на улучшеніе имѣнія, ибо въ обоихъ случаяхъ „только для себя, для своего эгоизма“ хлопочутъ люди, отличаясь другъ отъ друга только въ средствахъ, коими удовлетворяется ихъ эгоизмъ.

Истинная доброта настроенія, безкорыстная добродѣтель и чистое благородство не исходятъ, такимъ образомъ, изъ абстрактнаго познанія, но всетаки изъ познанія: именно „изъ непосредственнаго и интуитивнаго“, — изъ познанія, котораго, такъ-какъ оно не абстрактное, нельзя и сообщать, но которое находитъ свое дѣйствительное выраженіе не въ словахъ, а единственно въ поступкахъ, въ дѣяніяхъ, въ цѣломъ жизненномъ поприщѣ человѣка. Сущность этого

познанія выражается въ томъ, что „вещи самой въ себѣ не приличествуютъ формы явленія“ и что, такъ-какъ воля есть само-въ себѣ всякаго явленія, то причиняемое другому и самимъ испытываемое мученіе поражаетъ все одно и то же существо, хотя явленія, въ которыхъ высказывается какъ одно, такъ и другое, стоятъ какъ совершенно отдѣльные индивидуумы и раздѣлены временемъ и пространствомъ. Въ обоихъ нихъ живетъ одна и та же воля, вносящая въ сферу индивидуаціи постоянную вражду съ самой собою, которую носитъ она внутри себя. Стоитъ только прозрѣть эту истину и совершится тогда полный подъемъ лица „надъ индивидуальностью и принципомъ ея возможности“: тогда взглянетъ ли оно на міръ и населяющія его существа, живыя и безжизненные, оно можетъ сказать только, по выраженію Упадшадъ: *tat twam asi*, что значитъ: „это ты“. Кто съ яснымъ познаніемъ и твердымъ убѣжденіемъ въ состояніи сказать это самому себѣ, передъ всякимъ существомъ, съ которымъ онъ приходитъ въ соприкосновеніе, тотъ, по словамъ Шопенгауэра, уже этимъ самымъ сопричастенъ всякой добродѣтели и блаженству и на прямомъ пути къ искупленію. При этомъ, насколько познаніе, слѣдующее закону основанія, заставляетъ насъ сосредоточиваться на самихъ себѣ, на отдѣльныхъ явленіяхъ собственнаго индивидуума, и вслѣдствіе этого постоянно указываетъ на безконечныя опасности, непрестанно угрожающія намъ, настолько познаніе того, что все живущее, подобно намъ, есть существо само въ себѣ, распространяетъ наше участіе на все живущее: „этимъ сердце расширяется“. Отсюда та спокойная, увѣренная радость, которая сообщается добродѣтельнымъ настроеніемъ и доброю совѣстью. Эгоистъ чувствуетъ себя окруженнымъ чуждыми и враждебными явленіями, и вся его надежда основана на собственномъ благоденствіи, тогда какъ „добрый живетъ въ мірѣ дружественныхъ явленій“: благоденствіе каждаго — его собственное благоденствіе и пребывающее познаніе собственнаго существа во всемъ живущемъ сообщаетъ добродѣтельному извѣстное равновѣсіе и даже радостное настроеніе. Въ такомъ случаѣ характеръ, достигнувшій высшей доброты и чистаго благородства, принесетъ вполнѣ собственное и жизнь въ жертву за благо многихъ другихъ и на

этой же ступени стоитъ каждый, добровольно принимающій страданія и смерть, отстаивая то, что споспѣшествуетъ благу цѣлаго человѣчества, т. е. изъ-за общихъ, великихъ истинъ и ради великихъ заблужденій.

Но при всей этой яркой характеристикѣ добра и соединенныхъ съ нимъ радостей добродѣтельнаго житія, Шопенгауэръ не забываетъ своей излюбленной идеи, что всѣ эти радости, хотя и „лгутъ желанію, будто онѣ положительное благо, но поистинѣ онѣ только отрицательнаго свойства и только конецъ зла“. Что бы поэтому доброта, любовь и благородство ни дѣлали для другихъ, все это есть лишь утоленіе ихъ страданій—не больше. Почему? потому что жизни въ цѣломъ страданіе существенно и съ нею нераздѣльно: воля, на всѣхъ ступеняхъ своего проявленія, съ низайшей до высочайшей, лишена послѣдней цѣли и меты, постоянно стремится, такъ-какъ единственная ея сущность—стремленіе безъ конца, безъ надежды на конечное удовлетвореніе. Хотѣть и стремиться—составляетъ все ея существо, вполне уподобляемое неутолимой жаждѣ; основаніе же всякаго хотѣнія есть нужда, недостатокъ, слѣд. страданіе, но всякое удовлетвореніе, или то, что обыкновенно называется счастьемъ, въ дѣйствительности и по существу только *отрицательно* и никакъ не положительно. Оно всегда должно быть удовлетвореніемъ желанія, ибо желаніе, т. е. недостатокъ, есть предшествующее условіе всякаго наслажденія;— съ удовлетвореніемъ же его кончается желаніе и, слѣдовательно, наслажденіе. Поэтому удовлетвореніе или счастье никогда не можетъ быть ничѣмъ инымъ, какъ освобожденіемъ отъ страданія, отъ нужды. Тоже самое и въ отношеніи настроенія доброты и любви: все это лишь утоленіе своихъ и чужихъ страданій и, слѣдовательно, имѣетъ отрицательный характеръ, а не положительный.

То, что пріобрѣтается прозрѣніемъ *principii individuationis*, есть доброта, непосредственный источникъ которой — *состраданіе*. Познаніе, лежащее въ основѣ эгоизма, выражается въ слѣдующей формулѣ: „Всякій индивидуумъ есть существо радикально отличное отъ всѣхъ другихъ. Только въ самомъ себѣ имѣю я истинное бытіе; напротивъ, все другое есть не я и мнѣ чуждо“,—реальнымъ выраженіемъ такого познанія и служитъ обыкновенно всякое безжалостное, несправедливое, или злое дѣяніе.

Но есть, говорить Шопенгауэръ, другая формула, которую можно выразить такъ: „Моя истинная, внутренняя сущность обрѣтается въ каждомъ живущемъ столь же непосредственно, какъ она только даетъ о себѣ знать мнѣ самому въ моемъ самосознаніи“.—Это познаніе, для котораго въ санскритскомъ языкѣ и имѣется формула *tat twam asi* и есть то, что выступаетъ наружу какъ *состраданіе*, на которомъ поэтому и зиждется всякая истинная добродѣтель и реальнымъ выраженіемъ котораго служить всякое доброе дѣло. То удовлетвореніе, которое мы ощущаемъ послѣ каждаго безкорыстнаго поступка, т. е. *добрая совѣсть*, возникаетъ изъ того, что такой поступокъ, исходя изъ непосредственнаго признанія нашего собственнаго существа въ самомъ себѣ и въ чужомъ проявленіи, даетъ намъ и подтвержденіе такого познанія, что наше истинное я существуетъ не только въ собственной нашей особѣ, этомъ отдѣльномъ проявленіи, но и во всемъ, что живетъ. Этимъ сердце ощущаетъ себя расширеннымъ, какъ отъ эгоизма съуженнымъ.

Господство того или другаго изъ этихъ способовъ познанія обнаруживается не только въ отдѣльныхъ поступкахъ, но и въ цѣломъ образѣ сознанія и настроенія, который поэтому такъ существенно различенъ у *добраго* и *дурнаго* характера. Послѣдній вездѣ чувствуетъ крѣпкую перегородку между собою и всѣмъ, что внѣ его. Міръ для него—*абсолютное не—я*, и его отношеніе къ нему исконно враждебное; отъ этого основнымъ тономъ его настроенія становится ненависть, подозрительность, зависть, злорадность. Напротивъ, добрый характеръ живетъ въ однородномъ съ своимъ существомъ внѣшнемъ мірѣ: другіе для него никоимъ образомъ не *и*, но „*я* еще разъ“. Поэтому его исконное отношеніе къ каждому дружелюбное, онъ чувствуетъ внутреннее родство свое со всѣми существами, непосредственно принимаетъ участіе въ ихъ бѣдѣ и благѣ и съ увѣренностью предполагаетъ такое же участіе и съ ихъ стороны.

С) Но самая высшая степень прозрѣнія *principii individuationis* состоитъ въ томъ, чтобы достигнуть полной и совершенной отмѣны воли, т. е. такого состоянія, въ которомъ чувствуется полное отвращеніе къ волѣ жизни, „къ

зерну и сущности“ самаго міра. Это, говоритъ Шопенгауэръ, исполнѣ возможно для того, въ комъ непосредственное познаніе тождества воли во всѣхъ ея проявленіяхъ получить высшую степень ясности: въ такомъ случаѣ оно окажетъ дальнѣйшее вліяніе на волю, а именно—если предъ глазами человѣка покрывало Майи, т. е. *principium individuationis*, такъ стало прозрачно, что онъ уже не дѣлаетъ эгоистическаго различія между своею особою и чужою, а въ страданіяхъ другихъ принимаетъ такое же участіе, какъ въ своихъ собственныхъ, тогда само собою слѣдуетъ, говоритъ Шопенгауэръ, что такой человѣкъ долженъ и на безконечныя страданія всего живущаго взирать какъ на собственные и усвоить себѣ страданіе всего міра. Такъ-какъ онъ прозрѣлъ *principium individuationis*, то для него все одинаково близко. Онъ познаетъ цѣлое, воспринимаетъ его существо и находитъ его въ постоянномъ страданіи и внутреннемъ противорѣчii, видитъ всюду страдающее человѣчество и исчезающій міръ. Какъ же ему теперь, спрашиваетъ Шопенгауэръ, при такомъ познаніи міра, подтверждать постоянными актами воли именно эту же самую жизнь и тѣмъ самымъ все тѣснѣе съ нею связываться, все тѣснѣе прижимать ее къ себѣ? Если тотъ, кто еще объятъ эгоизмомъ, познаетъ только отдѣльные предметы и ихъ отношенія къ своей особѣ и если послѣдніе затѣмъ становятся все *новыми мотивами* его хотѣнія, то, напротивъ, познаніе всего существа вещей самого въ себѣ становится *квіэтивомъ* всякаго и всяческаго хотѣнія. Въ этомъ случаѣ воля такого человѣка измѣняется, не подтверждаетъ болѣе своего существа, отражающагося въ отдѣльныхъ явленіяхъ, а отрицаетъ его:—феномень, въ которомъ это обнаруживается, есть переходъ, по словамъ Шопенгауэра, отъ добродѣтели къ *аскетизму*. Отсюда *квіэтизмъ*, т. е. отреченіе отъ всякаго хотѣнія, *аскетизмъ*, т. е. намѣренное умерщвленіе собственной воли, и *мистицизмъ*, т. е. сознаніе тождественности собственнаго существа съ существомъ всѣхъ вещей, находятся въ тѣснѣйшей связи, такъ что кто принимаетъ одинъ, нечувствительно приходитъ къ принятію и другихъ, даже противъ своего желанія. Аскету недостаточно уже любить другихъ, какъ самаго себя; а въ немъ возникаетъ отвращеніе къ существу, коего выраженіемъ

служить собственное его явленіе, къ волѣ жизни, „къ зерну и сущности“ того міра, который имъ признанъ въ высшей степени несчастнымъ. Не будучи въ существѣ ничѣмъ инымъ, какъ проявленіемъ воли, онъ перестаетъ чего-либо хотѣть, остерегается прилѣпить свою волю къ чему-нибудь, старается утвердить въ себѣ величайшее равнодушіе ко всѣмъ вещамъ, не исключая своего тѣла, которое онъ уличаетъ во лжи: „онъ не хочетъ полового удовлетворенія ни подъ какимъ видомъ“. Посему добровольное, полное цѣломудріе—первый шагъ въ аскетизмъ или отрицаніи воли къ жизни. Но для этого требуется великая внутренняя борьба. Мы не должны, говоритъ Шопенгауэръ, думать, что разъ наступило отрицаніе воли къ жизни, оно уже не можетъ болѣе колебаться, и на немъ можно успокоиться, какъ на приобрѣтенномъ достояніи. Напротивъ, оно должно быть все вновь достигаемо постоянною борьбою, ибо постоянного покоя никто на землѣ имѣть не можетъ. Поэтому мы видимъ исторію внутренней жизни святыхъ исполненною душевною борьбою съ соблазнами воли, стремящейся къ самоподтверженію. И мало одной борьбы; необходимо прежде сломить волю величайшимъ собственнымъ страданіемъ, дабы могло наступить ея самоотрицаніе. Тогда видимъ мы, что человѣкъ, пройдя по всѣмъ ступенямъ возрастающаго бѣдствія, доведенный до края отчаянія, внезапно приходитъ въ себя, познаетъ себя и міръ, возносится надъ самимъ собою и всѣмъ своимъ страданіемъ и, какъ очищенный и освященный имъ, въ неоспоримомъ спокойствіи и блаженствѣ добровольно отказывается отъ всего, чего раньше желалъ онъ съ величайшею пылкостью. Это и есть внезапно выступающій изъ очистительнаго пламени страданія серебряный блескъ отрицанія воли къ жизни, т. е. искупленія. Ясное и наглядное изображеніе такого отрицанія воли, вызваннаго великимъ несчастіемъ и отчаяніемъ во всякомъ спасеніи далъ намъ, по мнѣнію Шопенгауэра, великій Гете въ своемъ безсмертномъ, мастерскомъ произведеніи, — „Фаустъ“, въ исторіи страданій Гретхень. Это есть совершеннѣйшій образецъ втораго пути (*δεύτερος πλοῦς*), ведущаго къ отрицанію воли путемъ прочувствованнаго страданія и добровольно усвоеннаго, не такъ, какъ первый путь, ведущій къ той же цѣли отрицанія воли однимъ познаніемъ страданій

цѣлаго міра. Въ силу этого истинное спасеніе, избавленіе отъ жизни и страданія, безъ полнаго отрицанія воли немислимо. Великое этическое различіе характеровъ имѣетъ то значеніе, что злой безконечно отдаленъ отъ познанія, изъ котораго происходитъ отрицаніе воли и, потому, поистинѣ отданъ на жертву всѣмъ мукамъ, являющимся въ жизни, такъ какъ даже и настоящее, счастливое состояніе его особы есть только „призракъ Майи, счастливый сонъ нищаго“. Напротивъ, всякая истинная и чистая любовь, даже справедливость исходятъ уже изъ прозрѣнія *principii individuationis*, которое, когда „наступить съ полною силою, приводитъ совершенную святость и избавленіе“, коихъ феноменъ есть состояніе ресигнаціи, съ сопровождающимъ оную невозмутимымъ миромъ и радостью предъ лицомъ даже смерти.

Болѣе того, когда наступило прозрѣніе *principii individuationis*, когда идеи, даже существо вещей непосредственно познаны какъ единая воля во всемъ, и изъ такого познанія произошелъ общій квіэтивъ хотѣнія, тогда отдѣльные мотивы становятся, по мнѣнію Шопенгауэра, бессильными, потому что совершенно отступилъ соотвѣтственный имъ родъ познанія. Но тогда самый характеръ можетъ быть вполне отмѣненъ измѣненнымъ познаніемъ. Это и есть то, что въ христіанской церкви весьма мѣтко названо *возрожденіемъ*, а то познаніе, изъ коога оно исходитъ, *благодатию*; ибо то именно, говоритъ Шопенгауэръ, что христіанскіе мистики называютъ дѣйствіемъ *благодати* и *возрожденіемъ*, для насъ единственное непосредственное проявленіе *свободы воли*: „она наступаетъ лишь тогда, когда воля, достигнувъ познанія собственнаго существа самого въ себѣ, получаетъ изъ онаго *квіэтивъ* и тѣмъ самымъ освобождается отъ дѣйствія *мотивовъ*, лежащаго въ области другаго рода познанія, коего объекты — одни явленія“, — причемъ, такъ-какъ *самоотмѣненіе воли* исходитъ изъ познанія, а все познаніе и пониманіе, какъ таковыя, независимы отъ произвола, то и помянутаго отрицанія хотѣнія — этого вступленія въ свободу — „нельзя преднамѣренно вынудить“, а происходитъ оно въ челоуѣкѣ изъ глубочайшаго отношенія познанія къ хотѣнію, „находить, поэтому, вдругъ и какъ бы налетаетъ извнѣ“, безъ личнаго участія съ нашей стороны. Да этого,

по мнѣнію Шопенгауэра и не нужно, потому что самое спасеніе состоитъ ни въ чемъ другомъ, какъ въ отрицаніи и отмѣнѣ нашей личности и если „въ полной святости заключается отрицаніе и устраненіе всякаго хотѣнія и тѣмъ самымъ избавленіе отъ міра, коего все бытіе оказалось для насъ страданіемъ, (то) намъ именно это самое является переходомъ въ *ничто*“.

Вотъ въ главныхъ чертахъ воззрѣніе Шопенгауэра на спасеніе въ его отношеніи къ вопросу о злѣ и добрѣ, какъ оно изложено имъ самимъ! Цѣль этой статьи — показать 1), что нравственная система Шопенгауэра, не смотря на частыя ссылки послѣдняго на христіанство (въ подтвержденіе яко-бы вѣрности доказываемыхъ имъ идей), ничего общаго съ христіанскимъ ученіемъ не имѣетъ и 2), что она сама въ себѣ носитъ начало разрушенія, какъ въ силу недостаточно-твердаго психологическаго анализа разныхъ процессовъ, входящихъ въ систему этическихъ понятій, такъ, равнымъ образомъ, въ силу ложной философской идеи, положенной въ основу ея.

*Ив. Розановъ.*

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

---